

Джонни Родин
Пелле Аберг

**Отцовство сквозь время и
пространство с акцентом
на России**

В статье дается обзор ранее проведенных исследований отцовства в различных национальных контекстах и в разные исторические периоды с особым акцентом на России. Рассматриваются исследования, посвященные отцовству, в Западной Европе и в США с начала XX-ого века до сегодняшнего дня с целью включения советских и российских реалий в историческую перспективу. Ряд основных теоретических подходов и эмпирических результатов, собранных нами из предшествующих исследований, позволил проиллюстрировать общность и различия между Россией (и в определенной степени Восточной Европой в советское время), с одной стороны, и странами Западной Европы и США, с другой.

Однако почему мы в первую очередь обращаем внимание на отцовство, и почему именно в России? Сейчас Россия столкнулась с демографическим кризисом из-за сокращающегося населения, что вынудило государство активно заняться политикой в области семьи и народонаселения. В российской государственной политике вопросы отцовства почти полностью отсутствуют, хотя одновременно с этим подчеркивается важность хорошего материнства. Между тем исследования показывают, что отцовство – как социальный институт и как практическая деятельность - имеет важное значение для общества. И в особенности это связано с тем, что поведение отцов и их отношение воздействует не только на их собственное физическое и психическое здоровье, но и на здоровье их детей и матерей этих детей.¹ Как указывает Алис Росси (Alice Rossi), чем больше обязанностей у отца в воспитании детей и в семейных делах, тем многочисленнее и сильнее отношения, создаваемые между такими отцами и окружающими их социумом, что, в свою очередь, снижает злоупотребление спиртным и курением, а также склонность к домашнему насилию.² Более того, демографами было установлено, что вовлеченность отцов формирует у женщины более положительное отношение к рождению последующих детей, что может привести к повышению уровня рождаемости и повлиять на демографические тренды.³ Таким образом, отцовство влияет на жизнь общества, а процессы в жизни общества, как мы это увидим далее, влияют на отцовство, являющееся частью личной жизни.

Несмотря на вышесказанное, отцовство в большей или меньшей степени игнорировалось исследователями до 1970-ых гг.⁴, когда эта тема стала вызывать интерес. Впрочем, до 1990-ых гг. исследования отцовства проводились редко. Однако после того, как в 1995 г. президент Билл Клинтон подчеркнул важность отцовства, в США в этой области стали быстро появляться новые исследования.⁵ Позже это перешло в Западную Европу и Скандинавию, и к настоящему моменту существует значительное количество работ по отцовству на примерах этих стран.

В отличие от этого в Восточной Европе и в постсоветских странах исследования отцовства по-прежнему находятся в зачаточном состоянии, хотя сейчас в России и существует быстро растущий корпус литературы об отцовстве,⁶ а также исследования по смежным темам, таким как: родительство и маскулинность (например, см. многочисленные работы Анны Темкиной и Елены Здравомысловой). Тем не менее, зарубежных исследований отцовства в России или других тем, близко связанных с этой, почти не ведется.⁷ Системных сравнительных исследований отцовства в России,

по-видимому, нет совсем.⁸ Данная статья является первым шагом по восполнению этого пробела. Она призвана обозначить направления дальнейших исследований и указать на средства предыдущих исследований в других странах, которые могут помочь в исследовании отцовства в России.

Отцовство в Западной Европе и в США

В этом разделе мы в общих чертах охарактеризуем исследования отцовства на Западе. Начнем с анализа используемого здесь определения отцовства и рассмотрим, как видятся изменения, произошедшие с ним с течением времени. Затем обсудим важный вывод предыдущих исследователей о том, что отцовство находится на стыке частной и общественной жизни.

Определение отцовства

Вопрос о том, как следует понимать отцовство уже давно обсуждается исследователями в различных областях, как в рамках феминистических и критических исследований, так и в более широком исследовательском контексте о мужчинах и маскулинности, когда речь заходит о том, какую роль играет отцовство в самосознании мужчин, и как эта роль связана с нормами маскулинности, диктуемыми временем и контекстом.⁹

На протяжении последних десятилетий отцовство, как правило, изучалось с точки зрения исторического институционализма или социального конструктивизма.¹⁰ С этих позиций отцовство не считается некой застывшей данностью, но скорее воспринимается политизированной социальной конструкцией, испытывающей давления норм, выдвигаемых как со стороны политических, религиозных и общественных властей и институтов, так и со стороны более личных и частных отношений. Отцовство не может трактоваться в отрыве от общества. Скорее наоборот: отцовство выстраивается через общество, а также через социокультурный и исторический контекст. Нет единой и непреложной истины о том, что такое отцовство.¹¹ То, что считается «правильным» или «надлежащим» отцовством, и то, как индивидуумы воплощают эти идеалы, определяется историческим периодом и общественно-политическим контекстом. Значит, «отцовством» называют социальную конструкцию, охватывающую идеологию (нормы, ценности и дискурсы) и практики, ассоциирующиеся с ролью отца.

Однако, чтобы не смешивать идеологию и поведение - поскольку это может затруднить анализ - было бы полезно различать «отцовство» (*fatherhood*) и отцовскую практику (*fathering*). «Отцовство» - это общественный институт, вобравший в себя нормы, ценности, общественную трактовку и дискурсы, связанные с тем, что значит быть отцом. Здесь затрагиваются права, обязанности и ответственность, закрепляемые за статусом отца. Это связано с законодательством и неформальными установлениями, регулирующими права на опеку, содержание ребенка, алименты и т.д. В то время, как «отцовская практика» означает «исполнение» отцовства, т.е. фактическое поведение отцов и отцовские действия. Сюда входит взаимодействие с

детьми и супругами, например, участие в медицинских мероприятиях будущей мамы (присутствие при ультразвуковом исследовании), в уходе за ребенком (смена подгузников), воспитании детей (обучение правильным манерам) и подача заявления на отцовский отпуск по уходу за ребенком.¹² Конечно, отцовство и отцовская практика переплетены. Несомненно, что культура отцовства влияет на то, как воспринимает отец свою отцовскую роль и на то, как он ведет себя со своими детьми, т.е. на выполнение им отцовских функций.¹³ Однако, нормы, ценности и взгляды не всегда совпадают с поведением. Исследования показывают, что отцовская практика (т.е. реальное участие мужчин в воспитании детей и уходе за ними) изменилась гораздо меньше, чем взгляды и нормы (за небольшим исключением среди отцов из образованного среднего класса и в некоторых отдельных странах, например, скандинавских).¹⁴ Реальная отцовская практика не обязательно совпадает с преобладающей идеологией или разговорами в обществе на тему отцовства.¹⁵

Отцовство в разные исторические периоды

Предыдущими исследованиями были выявлены три основные модели или этапы отцовства и отцовских практик в современной истории Западной Европы и США. Несмотря на свой весьма общий характер, данные модели дают широкий исторический взгляд на то, как отцовство определялось в прошлом. В настоящей статье эти модели также используются для сравнения с советским и российским реалиями.

С середины 1800-ых и до начала II-ой мировой войны наиболее распространенной моделью отцовства была модель «кормильца». Это был период индустриализации, вынудившей мужчин перейти с работ, расположенных недалеко от дома, на работы, теснее связанные с производством и управлением. Зачастую такая перемена означала, что отцу приходилось теперь работать гораздо дальше от дома, чем раньше. В связи с этим отец часто отсутствовал дома, жил в отрыве от семьи и воспитания детей. Итак, трансформации в обществе (или, если хотите, структурные изменения) вытолкнули отца из сферы частной жизни, поскольку его роль кормильца в первую очередь связывала его с общественной сферой.¹⁶ Согласно данной модели главная задача отца по отношению к своим детям и жене состояла в удовлетворении материальных потребностей семьи. Итак, здесь мужчина обеспечивал большую часть семейного дохода.

С 1940-ых до 1960-ых гг. на Западе доминировала полоролевая модель, где отец по-прежнему оставался основным кормильцем, но играл более активную роль в управлении и контроле. Он участвовал в воспитании детей, являя образец маскулинного поведения, и заботясь о том, чтобы все члены семьи следовали нормам и придерживались ролей (особенно гендерных), которые ожидалось от семьи данного социального круга. Другими словами, отцовство представляло собой мостик между частной и общественной сферами, между индивидуумом и обществом. В исследованиях отцовства в США данная модель описывается как реакция на предыдущий порядок, где отец был оттеснен на второй план в частной сфере, так что дом и дети стали женской территорией. Благодаря этому в середине XX-ого века

отцы стали сильнее вовлекаться в воспитание детей. По мнению исследователя Киммел (Kimmel), вовлечение отцов по большей части было обусловлено стремлением вырастить из сыновей «мужчин», таким образом, обозначенные изменения были связаны с маскулинностью.¹⁷

В 1960-ых укоренилась новая модель: отец как «родитель». В этой модели отец активнее, чем в предыдущей. Он участвует в воспитании детей и уходе за ними. По сравнению с другими моделями, здесь отец больше сосредоточен на частной жизни семьи и старается удовлетворить физические и эмоциональные потребности своих детей.¹⁸ Еще один вид отцовства, введенный недавними исследованиями и тесно связанный с третьей моделью, получил название «новое отцовство». При сопоставлении практик отцовства и идеологии отцовства мы обнаруживаем следующие синонимичные термины: «новое отцовство», «вовлеченное отцовство» и «ответственное отцовство». Этот тип отцовства основан на равенстве в отношениях между мужчиной и женщиной в семье, где мать и отец делят активную ответственность за воспитание детей и уход за ними. При этом отец и сам готов находить баланс между работой и семейной жизнью, и позволяет делать то же самое своей спутнице.¹⁹

И вновь, исследования указывают на разницу между отцовством и реальными отцовскими практиками. Участие отцов в воспитании детей по-прежнему отличается от материнского. Действительно, отцы стали больше заниматься детьми, однако у них соотношение игр, по сравнению с общим временем, проведенным с детьми, гораздо выше, чем у матерей, которые по-прежнему обеспечивают основной уход за детьми. Так же следует упомянуть, что расширение активного отцовства идет параллельно с ростом числа семей, где отец полностью отсутствует.²⁰ И еще важно заметить, что существует целый ряд различных факторов, влияющих на присутствие отцов и их вовлеченность в жизни семьи и своих детей. Есть отцы, которые по разным причинам решают не участвовать в воспитании своих детей. Однако существуют и внешние факторы, которые могут повлиять на выполнение отцовских функций. Одним из примеров являются уже упомянутые структурные процессы, связанные с индустриализацией. Большинство ранее проведенных исследований признают роль матери детей как еще один важный аспект. Зачастую она рассматривается как регулятор, который, если захочет, может отстранить отца от дел воспитания детей, хотя и, возможно, усиливая его роль кормильца.²¹ Последнее замечание подразумевает, что отец находится в достаточно бессильном положении, что может так и быть в одних ситуациях, и быть иначе в других.

Между частной и общественной жизнью

В этом разделе мы обсудим силы, которые, по мнению предыдущих исследователей, формируют отцовство и отцовское поведение. Нельзя понять отцовство и дать ему определение в отрыве от норм, связанных с материнством, норм маскулинности, структуры семьи, порядка социальной помощи и более крупных социально-экономических процессов. Следовательно, это должно быть проанализировано в рамках расширенного контекста с учетом гендерного контракта, т.е. «разделения

труда на работе, и, по умолчанию, дома по гендерному признаку».²² Тёмкина и Роткирч (Rotkirch) различают «официальный» гендерный контракт, который охватывает политику государства, идеологию и законодательство, и «повседневный» гендерный контракт, включающий нормы и обычное поведение людей.²³ Другими словами, в гендерном контракте присутствует общественная составляющая, например, система социального обеспечения, и частная составляющая, например, семейные отношения. Давайте посмотрим на то, как современные исследования отцовства рассматривают подобные связи между общественными и частными аспектами.

В самом узком значении, частные аспекты отцовства затрагивают отношения между родителем-мужчиной и его биологическими потомками и/или усыновленными детьми. Отцовство также обуславливает то, как отец относится к матери. В частности, оно влияет на роль отца в семье, оказывает ли он (и в какой степени) ей поддержку в ходе беременности, принимает ли он участие в родах, и в какой мере он участвует в воспитании ребенка. На эти отношения влияют нормы и идеи, принятые в частной жизни ближайшего социального окружения. Это касается как отношений с матерью ребенка (и удовлетворения от супружества), так и взглядов матери на участие отца в воспитании детей. Исследования показывают, что брак, основанный на сотрудничестве, а также поощряемое матерью участие в воспитании детей повышают вовлеченность отца, и наоборот. Таким образом, связь между браком (или устойчивыми отношениями с совместным проживанием) и родительством у мужчин теснее, чем у женщин. Ослабленная связь между отцом и его ребенком делает их отношения более чувствительными к факторам частного окружения, что будет описано ниже.²⁴ Более того, здесь также играет определенную роль отношение отца к своему собственному отцу (или к другим замещающим его лицам) и родственникам, а также к друзьям и коллегам.²⁵

Что касается отцовства как общественного института, то здесь значительное влияние оказывает существующая система социального обеспечения и вообще социально-экономические структуры и процессы в целом. Снижение уровня рождаемости и повышение женской занятости на рынке труда с момента второй мировой войны стало одним из самых важных социальных изменений в промышленно развитых странах. Естественно, что такие преобразования напрямую повлияли на выполняемую женщиной роль «хранительницы очага». Её жизнь больше не сводилась к рождению и выращиванию детей, хотя мать по-прежнему оставалась лицом, обеспечивающим основной уход и заботу. Новое положение дел, заставившее женщин каким-то образом совмещать работу и семью, привело к появлению новой функции в социально-ориентированном государстве, превращая порядок соцобеспечения в источник серьезного идеологического влияния. Следовательно, различия между разными системами социальной защиты и сама история развития социально-ориентированного государства напрямую связаны с исторически сложившимися моделями отцовства, поскольку такие системы отражают гендерные ценности и нормы, а также определяют юридические и экономические условия родительства.

Тем не менее, ранее проведенные исследования систем социального обеспечения, например, типология систем соцзащиты, предложенная Эспинг-Андерсеном (Esping-Andersen) (либеральная, корпоративистско-государственная и социально-демократическая)²⁶, во многом не учитывали гендерный аспект взаимосвязи между работой и социальной защитой. В его определении работа – это оплачиваемый труд на рынке рабочей силы, поэтому неоплачиваемый труд (например, воспитание детей), выполняемый женщинами в сфере частной жизни, не входил в выполненный анализ. Оплачиваемый труд предоставлял мужчинам право на пенсию и прочие социальные услуги, и как продолжение, давал им статус работников и граждан. Женщины же по умолчанию рассматривались как жены и матери, а их неоплачиваемый труд дома не закреплял за ними социальных прав, доступных мужчинам. Как указывают Барбара Хобсон (Barbara Hobson) и Дэвид Морган (David Morgan), в исследовании Эспинг-Андерсена фактически также не принимается во внимание и мужской опыт в качестве супругов и отцов.²⁷ Отсюда можно сделать вывод, что полное включение гендерных аспектов в анализ систем социальной защиты подразумевает также и учет ролей как женщин, так и мужчин в частной жизни.

В ответ на описанные недочеты в типологии Эспинг-Андерсена последующие исследователи сосредоточились на влиянии, которое система социальной защиты оказывает на сочетание трудовой занятости с уходом за детьми. Приведем типологию, взятую нами из исследования Джейн Льюис (Jane Lewis) – одной из ключевых фигур, работающих в этой области²⁸. Ей была сделана попытка ввести гендерный аспект в анализ систем социального обеспечения, включив в типологию неоплачиваемый труд по дому.²⁹ На примере работ Эспинг-Андерсена и Льюис видно, насколько важными бывают различия между системами социальной защиты в Западных странах, которые нельзя рассматривать как однородный блок. Логично было бы предположить, что такое же утверждение верно и для различных стран в Восточной Европе.

И все же, изложенные выше этапы исторического развития отцовства на Западе и другие похожие модели являются важными вехами для сравнения с аналогичным опытом в Советском Союзе и России. Однако интересно отметить, что при этом во всей Восточной Европе было выполнено мало эмпирических исследований относительно воздействия системы социальной защиты на родительство, в том числе и таких механизмов, как отпуск по уходу за ребенком или неполный рабочий день. Хотя данная статья и не ставит целью детально проанализировать данный вопрос применительно к Восточной Европе, но мы можем показать, насколько важно было бы применить типологию Льюис и другие похожие классификации к России и другим странам региона.

Льюис выделяет три отличающиеся друг от друга модели систем социальной защиты, которые устанавливают совершенно разные условия родительства как для матерей, так и для отцов. В модели с доминированием мужской роли «кормильца» выход женщины на рынок труда может затрудняться политикой налогообложения, недостаточным предложением частичной трудовой занятости и дефицитом мест в

дошкольных учреждениях, поскольку ожидается, что ответственность за заботу о семье и детях берет на себя женщина. Таким образом, при данной модели гендерные отношения трактуются так, как это уже обсуждалось выше в рамках критики исследования Эспинг-Андерсена: женщины воспринимаются как жены и матери, а мужчины – как работники и граждане. Этим роль мужчины-отца сводится исключительно к зарабатыванию средств. Часто Великобританию называют страной, наиболее близко подошедшей к подобной модели.

Вторая модель Льюис представляет собой модифицированную модель с мужчиной-кормильцем и предполагает более активное участие женщин в рынке труда. Одновременно с этим, семьям компенсируются расходы за рождение и воспитание детей. Таким образом женщина воспринимается и как оплачиваемый работник, и как мать. Достаточно щедрые социальные услуги в дошкольном воспитании и отпуск по уходу за ребенком позволяют женщинам работать. Однако при этом структура семьи остается патриархальной, где женщина зависит от своего мужа. Примером этой модели считается Франция.

В модели с ослабленной ролью мужчины-кормильца, предлагаемой Джейн Льюис, государство разрабатывает такую политику, чтобы женщине было выгодно работать. И здесь очень важную роль играет налоговое законодательство. В Швеции, на которую часто указывают как на пример подобной модели, в 1971 г. правительство ввело раздельное налогообложение. И такая реформа вполне соответствует логике развития данной системы социальной защиты. В общем смысле, по этой модели социальные выплаты получает женщина, но как работник, а не как жена. Модель с ослабленной ролью мужчины-кормильца отличается наличием комплексной системы детских учреждений, щедрой системой родительского страхования и предоставляемым отцам отпуском по уходу за ребенком. Облегчая участие женщин в рынке труда и поощряя активное отцовство, модель дает место для более равного разделения труда в частной жизни, связанного с воспитанием детей. Модель указывает на то, что в женщине нужно видеть не только мать, но и работника. Верно и обратное: мужчины должны восприниматься не только как работники, но и как отцы.

Хотя многие исследователи, по-видимому, согласны с тем, что системы социальной защиты оказывают сильное влияние на отношения между полами – а сами отношения одновременно с этим отражаются в системах соцзащиты – нельзя забывать, что на родительство также влияет гражданское, семейное, трудовое и имущественное право.³⁰ Законодательство в этих областях регулирует права и обязанности отцов, например: право отца на отпуск по уходу за ребенком, право опеки и обязательство по материальному обеспечению детей в случае развода (т.е. закон устанавливает способ и размер материальной поддержки детям и алиментов на них). Следует отметить, что необязательно эти категории права четко привязываются к моделям социальной защиты. Так, например, либеральные системы соцзащиты, отводящие отцу роль главного кормильца (как в Великобритании или США), не налагают серьезных экономических обязательств по содержанию детей.³¹

На идеологию и практику отцовства также влияют и более общие социально-экономические и социально-культурные факторы. Исследования показывают, например, что безработица и бедность затрудняют активное отцовство.³² Кроме того, практика отцовства также связана с классовой принадлежностью, образованием и социально-экономическим статусом. Представляется, что с наибольшей вероятностью более прогрессивные гендерные нормы принимаются мужчинами из среднего класса, и это влияет и на их восприятие отцовства, и на их поведение.³³ Было продемонстрировано, что мужчины из среднего класса ориентируются на более прогрессивные идеалы отцовства, и это является показателем классовой принадлежности, отличая их от мужчин из рабочей среды, которых считают грубыми и свысока относящихся к женщинам, а также от мужчин неевропейского происхождения.³⁴ И, наконец, долгосрочные демографические тренды также весьма существенно воздействуют на многие из упомянутых выше процессов. Например, по мере увеличения продолжительности жизни и снижения рождаемости (т.е., когда на одну женщину рождается меньше детей), относительно укорачивается период в жизни женщины, когда она вынашивает ребенка. Следовательно, женщины уже не так сильно ограничены вынашиванием и воспитанием детей, как это было раньше. И этот факт вызывает дальнейшие изменения.³⁵

Итак, как показывают западные исследования, идеология и практика отцовства связаны с общим гендерным контрактом. Иными словами, мужские роли работника, супруга и отца тесно переплетены с женскими ролями работницы, супруги и матери. А сам гендерный контракт испытывает воздействие от параллельных, но взаимозависящих социальных процессов в частной и общественной сферах жизни. Данные процессы могут влиять на отцовство как социальный институт или на его практическое воплощение, либо на то и другое. Удачным примером здесь будет исследование ЛаРосса (LaRossa), где выдвигается предположение, что изменения в нормах отцовства можно объяснить изменениями в поведении матерей (более широкое участие в рынке труда), которое, в свою очередь, зависит от демографических трендов (снижение уровня рождаемости), системы социальной защиты и прочих изменений в обществе (например, эмансипации).³⁶ Вместе с тем, нужно учитывать, что традиционные для маскулинности нормы, являясь частью гендерного контракта, также играют здесь важную роль.

По утверждению Уайтхеда (Whitehead): «ясное понимание того, как мужчины и маскулинность соотносятся с понятиями семьи и отцовства затрудняется тем фактом, что в то время как идеалы отцовства и материнства в XX-ом веке претерпели кардинальные изменения традиционные гендерные стереотипы устойчиво сохраняются во многих культурах. А потому, мы должны признать, что хотя и существуют определенные свидетельства смены во взглядах на семью и на роль в доме у некоторых мужчин, преобладающий дискурс маскулинности плохо увязывается с этими практиками.»³⁷

Таким образом, подобное расхождение между нормами и поведением отцов не должно вызывать удивление, а, наоборот, скорее является ожидаемым.

Отцовство в СССР и России

Проанализированные выше исследования в Западной Европе и Америке, могут использоваться в качестве основы для обсуждения ранее проведенных исследований отцовства в СССР и в России. И в этом разделе мы сравним такие исследования с западноевропейским опытом, делая привязку к моделям отцовства в историческом развитии: модели «кормильца», полоролевой модели и модели «нового отцовства».

Хотя основной акцент здесь ставится на Россию, попутно хотелось бы отметить, что эта страна вполне типична для Восточноевропейского региона по нескольким аспектам, и поэтому исследование российской действительности становится показательным для всего региона. Во-первых, согласно Джону Хайналу (John Hajnal) в России и Восточной Европе схожи основные принципы заключения брака и семейная модель. Восточноевропейская модель семьи традиционно включала несколько поколений крестьянской семьи и отличалась менее влиятельной ролью отца, по сравнению с тем, как это традиционно было на Западе. В Восточной Европе отношения власти в доме основывались на возрастной иерархии, где старшее поколение доминировало над младшим. В то время как в западноевропейском доме лидером был один мужчина – глава семьи, “*pater familias*”.³⁸ Считалось, что мужчина способен создать семью только тогда, когда он сможет ее обеспечивать.³⁹ Это также перекликается с уже описанной выше моделью семьи с «кормильцем». Впрочем, это не означает, что модель традиционной семьи в Восточной Европе не была патриархальной, а скорее говорит о том, что не обязательно отец – глава нуклеарной семьи – распоряжался в доме. Зачастую таким человеком был мужчина из более старшего поколения. Во-вторых, Россию с остальной Восточной Европой объединяет общее коммунистическое наследие в области гендерной политики, которая серьезно повлияла на отцовство в данном регионе.

Несмотря на ряд похожих черт, следует также признать, что были и значительные различия между Советским Союзом и другими восточноевропейскими странами, в том числе и в политике социальной защиты и в других факторах, воздействовавших на развитие отцовства. Это имело место в советское время, однако с началом 1990-ых гг. страны, естественно, пошли разными путями. Многие государства Восточной и Центральной Европы сегодня входят в состав Евросоюза, что также отражается на государственной политике, законодательстве и на прочих аспектах, касающихся семьи и родительства. И хотя в этой статье говорится преимущественно о России, но чтобы показать более широкую перспективу, мы будем при необходимости указывать на подобные различия. И даже «Россия» как единый географический контекст вызывает вопросы из-за больших размеров страны. Вполне возможно, что глубокое, эмпирическое сравнение, скажем, между Северо-Западом и азиатскими районами Российской Федерации, выявит существенную разницу в структуре семьи, идеях и нормах касательно отцовства. Логично было бы предположить, что будут также различия между городом и деревней. Однако данная статья преследует более общую цель. Поэтому, отметив такие важные ограничивающие обстоятельства, сосредоточимся теперь на более масштабных закономерностях в развитии отцовства.

Советский гендерный контракт

Конечно, пространства для плюрализма в частной жизни при советском строе было более ограничено, чем в Западной Европе или в сегодняшней России. Циклы в жизни человека были довольно стандартизированы. Личное пространство – включая семью, родительство и воспитание детей – не было здесь вполне частным, но в большой степени регулировалась государством. В связи с этим советский гендерный контракт (или гендерный порядок) называется «этакратическим» (этакратия – власть государства).⁴⁰ Государство сделало частную сферу политической и общественной. Отношения между частной и общественной сферами в этом смысле здесь были более однозначными, чем на Западе.

Исследователями России выделяются три основные периода в формировании советского гендерного контракта, оказавшие колоссальное влияние на социальные институты семьи и родительства и на их практическую реализацию. Есть исследование отцовства в СССР, где выделяемые этапы также частично совпадают с данными периодами. И поскольку, как уже упоминалось, отцовство неразрывно связано с развитием гендерного контракта, то рассмотрим, как изменения в гендерном контракте отражались на развитии отцовства.

В первый период советского гендерного контракта, длившийся с революции 1917 года и до начала 1930-ых гг., большевиками проводилась эмансипация, с целью разрушить структуру буржуазной семьи, закрепощавшей женщину на кухне. Одновременно с этим женщины (особенно крестьянки в сельской местности) считались политически несознательными и нуждающимися в идеологической поддержке. Такая установка сделала легитимным и облегчила вмешательство государства в частную жизнь. Именно это, по мнению некоторых, и было основной целью преобразований, а не подлинная реализация феминистических задач.⁴¹ Советская политика эмансипации, направленная на ослабление традиционной семьи, в значительной степени расширила участие женщин в рабочей жизни. По сути, «работающие матери» стали одним из столпов советского гендерного контракта.⁴² Работа, освобождала женщин от подавления в частной жизни, одновременно с этим интегрируя их в общество. В этих целях потребовалось передать в ведение общественной сферы такие домашние функции, как уход за детьми и их воспитание. Государство теперь становилось главным родителем, что привело к впечатляющему росту числа дошкольных учреждений.⁴³ Итак, советское государство заключило договор с женщинами/матерями, при этом мужчины/отцы вытеснялись в общественную сферу в качестве защитников отечества и трудящихся. Эта же линия развития продолжалась и в ходе второго периода, описанного далее.

Модель буржуазной семьи атаквали и с других сторон. Брак на религиозных основаниях с церковным венчанием был упразднен. Государство упростило процедуру развода. Были легализованы аборт.⁴⁴ И, что очень важно, право частной собственности, во многих обстоятельствах дававшее мужчине определенную власть над женщиной, было отменено. Мужчина больше не являлся естественным

кормильцем. Более того, весьма расплывчатые правовые нормы об установлении отцовства при внебрачных отношениях, с одной стороны, ухудшали шансы отца на официальное признание, а, с другой, давали ему возможность, при желании, уйти от ответственности. В случае развода, обязанности отца сводились к выплате алиментов.⁴⁵ Это привело к тому, что в первые годы советской власти роль отца была серьезно ослаблена.

Второй период – с 1930-ых до середины 1950-ых гг. – совпал со временем интенсивной модернизации и индустриализации Советского Союза, значительно усиливших трудовую миграцию и урбанизацию, особенно среди мужчин. Это осложняло создание и сохранение семей. В сельской местности зачастую матери в одиночку растили детей. Прочие исторические события также способствовали дальнейшему отделению отцов от семей, в том числе, преследование государством православной церкви (которая была гарантом почти абсолютной власти мужчины в патриархальной семье в царской России),⁴⁶ политические чистки, депортация и Вторая мировая война.

Спрос на рабочие руки также закрепил за женщинами роль работниц. Одновременно с этим, потребность в обеспечении роста населения превратила деторождение в долг перед обществом, а потому аборт были запрещены. Стремление к частной жизни и индивидуальности были объявлены эгоистичными и буржуазными. Во многих аспектах частная сфера просто перестала существовать, и данная тенденция подкреплялась государственной жилищной политикой, предусматривающей разные формы коммунального проживания.⁴⁷

В итоге, советский гендерный контракт в каких-то моментах установил гендерный порядок, который серьезно ухудшал условия для функционирования традиционной модели с отцом-кормильцем, преобладавшей в то время на Западе. По типологии систем социального обеспечения, предложенной Льюис, можно констатировать, что система соцзащиты в СССР в это время напоминала модель с ослабленной ролью мужчины-кормильца по нескольким основаниям. Выход женщин на работу поощрялся, и социальные пособия были нацелены, скорее, на работающих женщин, чем на матерей. Существовала комплексная система детских учреждений и щедрая социальная защита. Интересно отметить, что подобная модель возникла на Западе гораздо позднее, в конце 1960-ых – начале 1970-ых гг. Однако последствия такой модели для российского отцовства существенно отличались от западных. Если в капиталистических странах, таких как Нидерланды и Швеция, описанные изменения в социальной или общественной сфере создали условия для более активного отцовства, как социального института (например, введение отпуска по уходу за ребенком для отцов), так и на практике (отцы реально участвуют в делах воспитания детей), то в советской действительности это возымело обратное действие. Отцовство стало ненужным социальным институтом. В семье, отцы были оттеснены на второй план, а порой и полностью отсутствовали.

Данный тренд продолжался и позднее в советское время. До конца 1960-ых гг. отцы были лишены ряда юридических прав, связанных с отцовством, а финансовая

ответственность за детей в большей степени закреплялась за государством, чем за отцами. В принципе, государство подменило собой отца, взяв на себя роль основного кормильца семьи. При этом мать сделалась для детей главным родителем, отвечающим за выращивание и воспитание детей, за домашние условия, за нравственное и материальное благополучие семьи. Отцы же все дальше вытеснялись из семейной сферы.⁴⁸

Некоторые из описанных изменений перешли и в третий период эволюции советского гендерного контракта, длившийся с середины 1950-ых по конец 1980-ых годов и по-прежнему характеризовавшийся этакратическим подходом, но с возникновением некоторой дистанции между частной и общественной сферами жизни. Семейные дела, рождение детей, контрацепция и воспитание детей теперь уже в большей степени считались личной ответственностью. И вновь жилищная политика здесь повлияла на социальную сферу, поскольку в 1960-ых гг. семьи стали переселяться в массово строящиеся отдельные квартиры.

В 1960-ых и в 1970-ых гг. СССР, как и многие другие восточноевропейские социалистические страны, столкнулся с демографическими проблемами из-за сокращения численности населения, вызванного снижением уровня рождаемости, ухудшением здоровья и высокой смертностью. Для борьбы с этими проблемами государство стало поддерживать раннее вступление в брак и большие семьи, а также противодействовать разводам. И в этих условиях советский гендерный контракт приобрел более традиционную форму. По официальной идеологии основная забота о семье и о детях все чаще воспринималась как женская функция. Впрочем, по-прежнему ожидалось, что женщина будет работать, что создавало двойную нагрузку. Уже в то время эта проблема обсуждалась социологами и демографами, что демонстрирует растущую степень политической и социальной диверсификации, хотя и при все еще существующей жесткой цензуре. В этой полемике можно выделить некоторые черты неотрадиционного дискурса, а также более прогрессивной критики удвоенной нагрузки на женщину. Однако мужчин продолжали рассматривать как более или менее несвязанных с проблемой снижения рождаемости. Их больше ассоциировали с другим аспектом демографической проблемы, а именно: с высоким уровнем смертности, особенно среди мужчин среднего возраста.⁴⁹

С конца 1960-ых и до середины 1980-ых гг. был проведен ряд правовых и социальных реформ, включая и ставшую обязательной для отца поддержку детей после развода, а также право на отпуск по уходу за ребенком для женщин. Однако роль отца в семье, т.е. в частной сфере, в это время оставалась очень ограниченной, несмотря на некоторые реформы, проведенные с целью изменить сложившуюся ситуацию. На практике мать брала на себя единоличную ответственность за все составляющие воспитания детей, зачастую вместе со своей матерью (*бабушкой*), сродни тому, как это происходит в традиционной восточноевропейской модели семьи из нескольких поколений.

Роль мужчины в общественной сфере стран с государственным социализмом была понятнее. Здесь мужчина мог обеспечить себе положение и сделать карьеру в роли строителя государства и его защитника. Таким образом предполагалось, что мужчина должен самореализоваться в общественной сфере. Отцовство же являлось формальной обязанностью и, скорее, потенциально отвлекало отца от настоящих обязательств перед обществом в качестве работника.⁵⁰ Как результат, основой мужской самореализации скорее являлась работа, а не патриархальная власть в доме.⁵¹

Основной вектор советской гендерной этакратической политики подразумевал, в частности, разрушение традиционной практической реализации мужественности, в особенности в частной жизни.⁵² Советская система упразднила два самых важных для мужской власти актива: частную собственность и функцию кормильца. При советской экономической системе невозможно было стать единственным кормильцем. К тому же, теперь основная роль мужчины связывалась с карьерой и работой, и, будучи отрезанным от своих обязательств перед семьей, отец не мог служить образцом полоролевой модели или быть полноценным воспитателем.⁵³ Эти роли взяли на себя мать и государство. И если роль матери была политизирована, даже до определенной степени героизировалась, то вопрос о роли отца (если и вообще такая роль существовала) остался без ответа.⁵⁴

В коммунистическом мире, и особенно в СССР, такие особенности развития отцовства существенно отличали его от отцовства на Западе, где оно оставалось важным общественным институтом. Отцы играли ключевую роль в частной жизни, поскольку их доминирующее положение в общественной жизни в качестве работников и граждан также давало им власть в семье в качестве кормильцев и образцов мужской полоролевой модели.

В СССР господство государства, взявшего на себя отцовскую роль кормильца и главы семьи, заменило традиционную патриархальную систему. Мужчину (мужа и отца) вытеснили из сферы частной жизни. Он стал лишним в доме.⁵⁵ На Западе до сравнительно недавнего прошлого жизнь матери, в основном, сводилась к дому, в то время как отец играл активную роль и в частной, и в общественной сферах. Все это привело к тому, что советское отцовство стало ассоциироваться с концепцией «отсутствующего отца».⁵⁶ Примечательно, что в несколько иной форме, но эта концепция часто использовалась на Западе с 1970-ых гг., когда речь шла о зачастую пассивной родительской роли отцов после развода. Сегодня во многих странах и особенно в США это считается одной из самых серьезных социальных проблем.⁵⁷ В советском государстве данная проблема вызвала некоторое внимание в академических кругах и весьма ограниченное - на политическом уровне.

Отцовство: строящийся объект

Политические и экономические реформы конца 1980-ых – начала 1990-ых гг. имели масштабные последствия для семьи и отцовства. Развал коммунистической системы, введение более ориентированной на рынок экономики и демократизация повлекли

за собой постепенное возвращение семьи в сферу частной жизни. А это, в свою очередь, вызвало большее разнообразие взглядов, норм и вариантов поведения применительно к семейной жизни и родительской роли.⁵⁸ Татьяна Гурко считает, что в 1990-ые годы в России ощущался некий вакуум норм в отношении отцовства. По мнению исследовательницы, это объяснялось отсутствием государственных идеологических механизмов, способных установить единый образ идеального отцовства.⁵⁹ Как следствие, у мужчин появилась возможность шире осваивать новые для себя роли отцов и мужей в частной жизни. По-видимому, определенная часть матерей готова, со своей стороны, изменить советские лекала семейной жизни, хотя нужно отметить, что у некоторых женщин более активное отцовство вызывает сопротивление.⁶⁰ Есть отцы, которые все также отсутствуют или пассивны в домашней жизни. Еще меньше отцов, которые берут на себя больше родительских обязанностей. А третья и достаточно большая группа состоит из мужчин, которые пытаются занять более традиционное, доминирующее положение в семье. Все это является составляющими элементами более масштабного процесса изменений в семье и гендерных отношениях в постсоветское время.⁶¹

Уже в конце советского периода можно было уловить довольно консервативную или традиционалистскую риторику, когда речь заходила о гендерных ролях и о семье, которая близко подходит к модели с отцом-кормильцем, а также о некоторых аспектах полоролевой модели. После распада СССР данная тенденция еще больше усилилась. Сдача позиций государством и последующая его неспособность поддержать семью в сочетании с восстановленным правом частной собственности повысили востребованность мужчин в роли кормильцев семьи. Более того, новый гендерный дискурс проводил мысль, что при социализме женщины и мужчины жили в разладе со своей подлинной биологической природой. Согласно такому дискурсу, мужчина в частной сфере главным образом призван обеспечить материальное благополучие семьи, т.е. быть кормильцем. Складывается впечатление, что такие утверждения достаточно широко поддерживаются населением.⁶² Еще одна важная роль отца – отвечать за дисциплину и наказания, а также играть с детьми. В то же время от женщины ожидается принятие «естественной роли» лица, заботящегося о семье и детях, ответственного за то, чтобы они были одеты, обуты и физически благополучны.⁶³ Участие женщин в рынке труда больше не являлось одним из столпов гендерной системы. Подобный неотрадиционалистский дискурс преобладал в постсоветской России⁶⁴, и некоторые исследователи называли его «патриархальным ренессансом».⁶⁵ Скорее всего такой дискурс можно связать с возросшим влиянием православной церкви в России после распада Советского Союза. Церковь активно выступала против аборт и гомосексуализма, одновременно с этим поддерживая традиционную семейную жизнь. Тем не менее, реакция российской политической элиты на быстро сокращающееся население страны показывает, что определение отцовства все также туманно. Предпринимаемые меры зачастую направлены на матерей, что напоминает реакцию советских властей на похожие проблемы в 1960-ых гг. Как и тогда, поражает, что так слабо обозначена связь между низким уровнем рождаемости в Российской Федерации и такими понятиями как «отец» и «отцовство».⁶⁶ Создается впечатление, что дискурс по поводу отцовства в России продолжает наделять отцов неясной, а

порой и слабой ролью. Поиск в основных руководящих документах⁶⁷ по демографической политике показал полное отсутствие в них таких слов, как: «отец», «папа» и «отцовство». Эта же закономерность видна и в Конституции РФ. В статье 7:2 говорится о государственной поддержке отцовства как общественного института, однако в разделе о правах и свободах граждан отцовство не упомянуто, в отличие от материнства и детства (см. ст. 38:1). При этом связи мужчин со своими детьми во многих случаях слабы из-за большого числа детей, рождающегося вне брака, и высокого уровня разводов, что часто означает также и разделение с детьми.⁶⁸ Выходит, что, по крайней мере, на уровне права в постсоветской России по-прежнему во многом созданы условия для отсутствия отцовства.

Тем не менее, также появляются тенденции, свидетельствующие о возникновении идеалов «нового отца» или «заботливого отца». Среди российских отцов все чаще встречаются более активные родители из числа хорошо образованных представителей среднего класса, в чьих семьях есть определенное равноправие. Воспитание ребенка все также остается, в основном, женской обязанностью, но высока вероятность присутствия отцов при родах, а уровень мужского насилия в семье снижается.⁶⁹ Одним из конкретных примеров появления в России заботливых отцов служит распространение «папа-школ» в Северо-Западном округе России (главным образом в Санкт-Петербурге, но также в Новгороде и Петрозаводске). В этих группах будущие отцы собираются для получения информации и обсуждения вопросов, связанных с их ролью отца. Групповые занятия четко нацелены на формирование активных, вовлеченных и заботливых отцов.

По мнению Ольги Безруковой, большинство участников папа-школ – это мужчины, чьи взгляды на семью более демократичны и сильнее ориентированы на равноправие между полами, чем среднестатистические. Абсолютное большинство среди них имеет высшее образование, и почти все участвующие в занятиях мужчины работают. И хотя подобные категории более условны в России, чем на Западе, но этих мужчин можно отнести к среднему классу.⁷⁰ В этом отношении Россия идет по Западному сценарию, где отцы из среднего класса первыми принимают новые идеалы отцовства, хотя их практическое поведение не всегда им соответствует.

Выводы

Обзор литературы по теме отцовства в России подтверждает, что отцовство как социальный институт вписан в контекст политических и социально-экономических процессов. Данные процессы имеют важные последствия для гендерного контракта, т.е., для распределения влияния между полами в частной и общественной сферах, и в частности, для исполняемых людьми ролей матери и отца.

Советская эмансипация, основанная на концепции работающей матери, изменила предшествующий гендерный контракт. Однако, возросшая занятость матерей на рынке труда не привела к более активному, вовлеченному отцовству (в отличие от того, как это произошло позднее на Западе). Скорее наоборот, гендерная политика в СССР трансформировала институт отцовства: из главного источника власти в семье,

связанного с другими патриархальными структурами (русской православной церковью и царем-батюшкой, являвшимся отцом нации), он превратился во второстепенную структуру.

Хотя некоторые черты модели «кормильца», преобладавшей на Западе до Второй мировой войны, также отмечались в Советском Союзе с 1930-ых до 1950-ых гг., советское государство и проводимая им политика постепенно взяли на себя основную роль кормильца семьи. Таким образом, советское государство оставило российских отцов без определенной четкой роли в частной жизни. Это отличается от опыта Западных стран. Даже если роль отца на Западе больше реализовывалась в общественной, чем в частной сфере, за ним по-прежнему закреплялась значительная роль в семье, хотя бы в качестве кормильца. Вдобавок социально-экономические отношения социалистического строя подрывали и роль отца как кормильца. Таким образом, отцовство лишили признания и правомочности и в частной, и в общественной жизни.

С распадом этакратической гендерной системы в СССР отцовство в постсоветской России стало полем для конкурирующих идей. В каком-то смысле отцовство по-прежнему остается на заднем плане в государственной риторике. Однако, также появляются неотрадиционные образы идеального отца как надежной опоры или кормильца в рамках более широкого неотрадиционалистского дискурса, являющегося важной частью сегодняшнего политического климата в России. Одновременно с этим существуют определенные признаки альтернативного дискурса, идущего от растущего российского городского среднего класса, который говорит о более активном и заботливом отце. Таким образом, сегодня в стране нет какого-то одного доминирующего имиджа или дискурса относительно правильного отцовства, в отличие от ситуации, как кажется, сложившейся в большей части Европы, активно поддерживающей «новое отцовство».⁷¹

Обзор ранее проведенных исследований также показывает, что необходимо дальнейшее исследование вопроса об отцовстве в восточноевропейском контексте, и особенно в России. Судя по опыту, требуется более подробный анализ существующей сегодня в России системы социальной защиты и того, как она сказывается на родительстве, и, в особенности, на отцовстве. В этом отношении, типологию по Льюис и другие аналогичные типологии и модели можно будет применить к конкретным механизмам социального обеспечения, среди которых, например, отпуск по уходу за ребенком, гибкие часы работы, детские учреждения, а также налоговое и семейное законодательство, суммарно формирующие условия для отцовства как социального института, так и для его практической реализации.

Помимо этого, требуется изменить сегодняшние теоретические и аналитические инструменты или разработать новые, чтобы с их помощью лучше понять отцовство в России. Будущий анализ покажет, насколько западная типология социального обеспечения подходит к анализу влияния восточноевропейской и постсоветской систем социального обеспечения на современное родительство.

Список литературы:

1. См., например, Michael S. Kimmel, *The Gendered Society* [Гендерно-дифференцированное общество], 3-е издание (Oxford: Oxford University Press, 2008).
2. Alice Rossi, "Gender and Parenthood," [Гендер и родительство], *American Sociological Review* 49:1 (1984). См. также Rona Early, "Men as Consumers of Maternity Services: A Contradiction in Terms" [Мужчины как потребители материнских услуг: противоречие в терминах], *International Journal of Consumer Studies* 25:2 (2001); Sereen Thaddeus и Deborah Maine, "Too Far to Walk: Maternal Mortality in Context" [Слишком далеко идти: материнская смертность в контексте], *Social Science and Medicine* 38:8 (1994).
3. См., например, Ann-Zofie Duvander и Gunnar Andersson, "Gender Equality and Fertility in Sweden" [Гендерное равенство и рождаемость в Швеции], *Marriage & Family Review* 39:1–2 (2006); Barbara Hobson и Livia Olah, "Birthstrikes? Agency and Capabilities in the Reconciliation of Employment and Family," [Забастовка против родов? Агентство и возможности уравнивания занятости на работе и в семье], *Marriage & Family Review* 39:3–4 (2006).
4. Andrea Doucet, "Fatherhood, Fathering" [Отцовство, отцовская практика] в *International Encyclopedia of Men and Masculinities*, под ред. Michael Flood и др. (London: Routledge, 2007).
5. С целью обзора см. William Marsiglio и др., "Scholarship on Fatherhood in the 1990s and Beyond" [Ученые об отцовстве в 1990-ые и дальше], *Journal of Marriage and Family* 62:4 (2000).
6. См., например, Жанна Чернова. Модель советского отцовства: дискурсивные предписания. «Российский гендерный порядок» под ред. Елены Здравомысловой и Анны Темкиной (СПб: Европейский Университет в Санкт-Петербурге, 2007); Татьяна Гурко. Феномен современного отцовства. «Мужчина и женщина: меняющиеся роли и образы». (М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1999); Татьяна Гурко. Вариативность представлений в сфере родительства. *Социологические исследования*, 11 (2000); Игорь Кон. Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире. *Гендерный калейдоскоп*. Под ред. Михаила Мальшева (М.: Академия, 2002); Игорь Кон. Мужская роль и гендерный порядок. *Вестник общественного мнения*, 16:2 (2008); Sergei Kukhterin, "Fathers and Patriarchs in Communist and Post-Communist Russia" [Отцы и патриархи в коммунистической и пост-коммунистической России] в *Gender, State, and Society in Soviet and Post-Soviet Russia*, под ред. Sara Ashwin (London: Routledge, 2000).
7. Два редких исключения: Anna Rotkirch, *The Man Question: Loves and Lives in Late 20th Century Russia* [Мужской вопрос: любовь и жизнь в России в конце XX-ого века], (Helsinki, Department of Social Policy Research Report 1/2000); и Jennifer Utrata, "Keeping the Bar Low: Why Russia's Nonresident Fathers Accept Narrow Fatherhood Ideals," [Удерживая низкую планку: почему отцы-нерезиденты в России принимают ограниченные идеалы отцовства], *Journal of Marriage and Family* 70:5 (2008).

8. Тем не менее, существуют сравнительные исследования о влиянии режимов социального страхования и семейной политики (например, Akvile Motiejunaite and Zhanna Kravchenko, "Family Policy, Employment and Gender-role Attitudes: A Comparative Analysis of Russia and Sweden" [Семейная политика, трудовая занятость и взгляды на гендерную роль: сравнительный анализ России и Швеции], *Journal of European Social Policy* 18:1 (2008)).
9. См., например, Stephen M. Whitehead, *Men and Masculinities: Key Themes and New Directions* [Мужчины и маскулинность: основные темы и новые направления], (Cambridge: Polity Press, 2002); William Marsiglio и Joseph H. Pleck, "Fatherhood and Masculinities" [Отцовство и виды маскулинности] в *Handbook of Studies on Men and Masculinities*, под ред. Michael S. Kimmel и др. (Thousand Oaks, CA: Sage, 2005); Keith Pringle, *Men and Masculinities in Europe* [Мужчины и маскулинность в Европе], (London: Whiting & Birch, 2006).
10. Barbara Hobson и David Morgan, "Introduction: Making Men into Fathers" [Введение: делая из мужчин отцов] в *Making Men into Fathers: Men, Masculinities and the Social Politics of Fatherhood* [Делая из мужчин отцов: мужчины, маскулинность и социальная политика отцовства], под ред. Barbara Hobson (Cambridge: Cambridge University Press, 2002), 3.
11. William Doherty, Edward Kouneski и Martha Erickson, "Responsible Fathering: An Overview and Conceptual Framework" [Ответственное отцовство: обзор и концептуальные рамки], *Journal of Marriage and Family* 60:2 (1998); ред. Barbara Hobson, *Making Men into Fathers: Men, Masculinities and the Social Politics of Fatherhood* [Делая из мужчин отцов: мужчины, маскулинность и социальная политика отцовства], (Cambridge: Cambridge University Press, 2002); Ralph LaRossa, "Fatherhood and Social Change" [Отцовство и социальное изменение], *Family Relations* 37:4 (1998); Marsiglio и др., "Scholarship on Fatherhood" [Ученые об отцовстве].
12. Hobson и Morgan, "Introduction" [Введение], 10–11.
13. Jennifer Bonney, Michelle Kelley и Ronald Levant, "A Model of Fathers' Behavioral Involvement in Child Care in Dual-Earner Families" [Модель поведенческой вовлеченности отцов в уход за детьми в семьях с двумя работающими родителями], *Journal of Family Psychology* 13:3 (1999); Doucet, "Fatherhood, Fathering" [Отцовство, отцовская практика].
14. Sue Clarke и Jennie Popay, "I'm Just a Bloke Who's Had Kids: Men and Women on Parenthood," [Я просто чувак, у которого появились дети: мужчины и женщины о родительстве] в *Men, Gender Divisions and Welfare*, под ред. Jennie Popay, Jeff Hearn и Jeanette Edwards (London: Routledge, 1998); LaRossa, "Fatherhood and Social Change" [Отцовство и социальное изменение], 456.
15. Lyn Craig, "Does Father Care Mean Fathers Share? Comparison of How Mothers and Fathers in Intact Families Spend Time with Children" [Отцовская забота: делится ли отец? Сравнение того, как матери отцы в полных семьях проводят время с детьми], *Gender & Society* 20:2 (2006); Glenda Wall и Stephanie Arnold, "How Involved is Involved Fathering? An Exploration of the Contemporary Culture of Fatherhood," [Насколько вовлеченным является вовлеченное отцовство? Эскурс в современную культуру отцовства], *Gender*

- & *Society* 21:4 (2007); Kimmel, *The Gendered Society* [Гендерно-дифференцированное общество].
16. Michael Lamb, "The History of Research on Father Involvement" [История исследований вовлеченности отцов], *Marriage & Family Review* 29:2–3 (2000); Kimmel, *The Gendered Society* [Гендерно-дифференцированное общество].
 17. Michael S. Kimmel, *Manhood in America: A Cultural History* [Мужественность в Америке: история культуры], 2-ое издание, (New York: Oxford University Press, 2006), 105–107.
 18. Maxine Atkinson и Stephen Blackwelder, "Fathering in the 20th Century" [Отцовство в XX-ом веке], *Journal of Marriage and Family* 55:4 (1993); Doherty, Kouneski и Erickson, "Responsible Fathering" [Ответственное отцовство]; Lamb, "The History of Research on Father Involvement" [История исследований вовлеченности отцов]; LaRossa, "Fatherhood and Social Change" [Отцовство и социальное изменение]; Deborah Lupton и Lesley Barclay, *Constructing Fatherhood: Discourses and Experiences* [Выстраивая отцовство: дискурсы и опыт], (London: Sage, 1997); Joseph Pleck, "American Fathering in Historical Perspective" [Американское отцовство в исторической перспективе] в *Families in the U.S. Kinship and Domestic Politics*, под ред. Karen Hansen и Ilta Garey (Philadelphia, PA: Temple University Press, 1998).
 19. Kirsi Eränta и Johanna Moisander, "Psychological Regimes of Truth and Father Identity: Challenges for Work/Life Integration" [Психологические системы правды и отцовское самосознание: сложности совмещения работы/жизни], *Organization Studies* 32:4 (2011); Stephen Williams, "What is Fatherhood? Searching for the Reflective Father" [Что такое отцовство? Поиск размышляющего отца], *Sociology* 42:3 (2008).
 20. См. Lamb, "The History of Research on Father Involvement" [История исследований вовлеченности отцов] для обзора исследований по теме отцовства.
 21. Marsiglio и Pleck, "Fatherhood and Masculinities" [Отцовство и виды маскулинности] 255. Это мнение также основано на исследовании о влиянии развода на отношения родителя и ребенка. Исследование показало, что воспринимаемое отсутствие контроля за воспитанием ребенка является одним из лучших прогнозирующих показателей того, насколько частыми останутся контакты между отцом и ребенком; см. Sanford L. Braver и др., "A Longitudinal Study of Noncustodial Parents: Parents Without Children" [Лонгитюдное исследование родителей без функции опекуна: родители без детей], *Journal of Family Psychology* 7:1 (1993). С точки зрения структуры, также можно объяснить, почему отцы мало присутствуют в жизни своих детей после развода: см., например, Linda Nielsen, "Demeaning, Demoralizing, and Disenfranchising Divorced Dads: A Review of the Literature" [Дискредитация, деморализация и лишение права голоса разведенных отцов: обзор литературы], *Journal of Divorce and Remarriage* 31:3–4 (1999). Нильсен также считает, что отношение матери к отцу и то, как она воспринимает отношения отца с детьми, являются самым важным фактором, от которого зависит, насколько близкими будут отношения отца и его детей. (Nielsen, "Demeaning, Demoralizing, and Disenfranchising

- Divorced Dads” [Дискредитация, деморализация и лишение права голоса разведенных отцов: обзор литературы], 152).
22. Heidi Gottfried, “Compromising Positions: Emergent neo-Fordism and Embedded Gender Contracts” [Позиции компромисса: развивающийся неофордизм и встроенные гендерные контракты], *British Journal of Sociology* 51:2 (2000): 253.
 23. Анна Темкина и Анна Роткирч. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России. *Гендер, культура и общество*. Под ред. Ирины Новиковой (Рига: Проект «Женщины Балтии», 2003).
 24. Doherty, Kouneski и Erickson, “Responsible Fathering” [Ответственное отцовство], 286–287.
 25. См., например, Bonney, Kelley и Levant, “A Model of Fathers’ Behavioral Involvement” [Модель поведенческой вовлеченности отцов]; Celeste Lemay и др., “A Qualitative Study of the Meaning of Fatherhood Among Young Urban Fathers” [Качественное исследование значения отцовства для молодых городских отцов], *Public Health Nursing* 27:3 (2010).
 26. Gøsta Esping-Andersen, *The Three Worlds of Welfare Capitalism* [Три мира социально-ориентированного капитализма], (Princeton: Princeton University Press, 1990).
 27. Hobson и Morgan, “Introduction” [Введение], 7–8.
 28. Есть также и другие серьезные исследователи в этой области. См., например, Ann Shola Orloff, “Gender and the Social Rights of Citizenship: The Comparative Analysis of Gender Relations and Welfare States” [Гендер и социальные права граждан: сравнительный анализ гендерных отношений и социально-ориентированных государств], *American Sociological Review* 58:3 (1993); Diane Sainsbury, *Gender, Equality and Welfare* [Гендер, равенство и социальная защита], (Cambridge: Cambridge University Press, 1996).
 29. Jane Lewis, “Gender and the Development of Welfare Regimes” [Гендер и развитие режимов социальной защиты], *Journal of European Social Policy* 2:3 (1992).
 30. Jeff Hearn, “Men, Fathers and the State: National and Global Relations” [Мужчины, отцы и государство: национальные и глобальные отношения] в *Making Men into Fathers: Men, Masculinities and the Social Politics of Fatherhood* [Делая из мужчин отцов: мужчины, маскулинность и социальная политика для отцовства], под ред. Barbara Hobson (Cambridge: Cambridge University Press, 2002), 251.
 31. Hobson и Morgan, “Introduction” [Введение], 12–13.
 32. Doherty, Kouneski и Erickson, “Responsible Fathering” [Ответственное отцовство], 287.
 33. LaRossa, “Fatherhood and Social Change” [Отцовство и социальное изменение], 456.
 34. Lupton и Barclay, *Constructing Fatherhood* [Выстраивая отцовство], 15.
 35. Alice Rossi, “Gender and Parenthood” [Гендер и родительство], 4.
 36. LaRossa, “Fatherhood and Social Change” [Отцовство и социальное изменение].
 37. Whitehead, *Men and Masculinities* [Мужчины и маскулинность], 154.

38. John Hajnal, "European marriage patterns in perspective" [Европейские модели заключения брака в широком контексте], in *Population in History: Essays in Historical Demography*, под ред. David Glass и David Eversley (London: Edward Arnold, 1965); Peter Laslett, "Family and household as work group and kin group" [Семья и домохозяйство как рабочая и родственная группа] в *Family Forms in Historic Europe*, под ред. Richard Wall (Cambridge: Cambridge University Press, 1983).
39. Hajnal, "European marriage patterns" [Европейские модели заключения брака], 133.
40. Елена Здравомыслова и Анна Темкина. Государственное конструирование гендера в советском обществе. *Журнал исследований социальной политики*, 1:3/4 (2003); Елена Здравомыслова и Анна Темкина. «Советский этакратический гендерный порядок». Российский гендерный порядок под ред. Елены Здравомысловой и Анны Темкиной (СПб: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2007).
41. Sara Ashwin, "Introduction: Gender, State and Society in Soviet and post-Soviet Russia" [Введение: гендер, государство и общество в советской и постсоветской России] в *Gender, State and Society in Soviet and post-Soviet Russia* [Гендер, государство и общество в советской и постсоветской России], под ред. Sara Ashwin (London: Routledge, 2000), 5; Kukhterin, "Fathers and Patriarchs" [Отцы и патриархи], 71.
42. Ashwin, "Introduction" [Введение]; Здравомыслова и Темкина. «Государственное конструирование гендера в советском обществе».
43. Ashwin, "Introduction" [Введение], 10.
44. Здравомыслова и Темкина. «Государственное конструирование гендера в советском обществе», 304–310.
45. Kukhterin, "Fathers and Patriarchs" [Отцы и патриархи], 74.
46. Kukhterin, "Fathers and Patriarchs" [Отцы и патриархи], 78.
47. Здравомыслова и Темкина. «Государственное конструирование гендера в советском обществе», 310–314.
48. Жанна Чернова. Семейная политика в Европе и России: гендерный анализ. (СПб: Норма, 2008), 161.
49. Здравомыслова и Темкина. «Государственное конструирование гендера в советском обществе», 314–318.
50. Чернова. «Модель советского отцовства». Татьяна Гурко. Родительство: социологический аспект. (М: Институт социологии РАН, 2003); Kukhterin, "Fathers and Patriarchs" [Отцы и патриархи]; Rotkirch, *The Man Question* [Мужской вопрос], 112; Здравомыслова и Темкина. «Государственное конструирование гендера в советском обществе», 306.
51. Ashwin, "Introduction" [Введение], 13.
52. Чернова. Модель советского отцовства; Kukhterin, "Fathers and Patriarchs" [Отцы и патриархи].
53. Чернова. Семейная политика в Европе и России; Gillian Pascall и Nick Manning, "Gender and Social Policy: Comparing Welfare States in Central and Eastern Europe and the Former Soviet Union" [Гендер и социальная политика: сравнение социально-ориентированных государств Центральной и

- Восточной Европы и бывшего Советского Союза], *Journal of European Social Policy* 10:3 (2000): 242.
54. Ashwin, "Introduction" [Введение], 12.
 55. Светлана Айвазова. Русские женщины в лабиринте равноправия: очерки политической теории и истории (М: РИК, 1998).
 56. Чернова. Семейная политика в Европе и России, 165 – 166.
 57. См., например, Frank Ancona, *Crisis in America: Father Absence* [Кризис в Америке: отсутствие отца], (Commack, NY: Nova Science Publishers, 1998); Kimmel, *The Gendered Society* [Гендерно-дифференцированное общество], 155 – 157.
 58. Елена Здравомыслова, Анна Роткирч и Анна Темкина. «Введение: Создание приватности как сферы заботы, любви и наемного труда». *Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности*. Под ред. Елены Здравомысловой, Анны Роткирч и Анны Темкиной (СПб: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2009), 11.
 59. Гурко. Вариативность представлений в сфере родительства. 90.
 60. Ольга Безрукова. «Практики ответственного отцовства: «папа-школа» и социальный капитал», *Вестник Санкт-Петербургского университета* 12:3 (2012): 269.
 61. Kukhterin, "Fathers and Patriarchs" [Отцы и патриархи], 85, 88.
 62. Motiejunaite и Kravchenko, "Family Policy, Employment and Gender-role Attitudes" [Семейная политика, трудовая занятость и взгляды на гендерную роль], 43.
 63. Ivan Rybalko, "'New Fathers' in Modern Russia: Men's Conception of Parenthood" [Новые отцы в современной России: мужская концепция родительства], *Vestnik SGTU* 15:3 (2006): 241.
 64. Ashwin, "Introduction" [Введение].
 65. Rybalko, "'New Fathers' in Modern Russia" [Новые отцы в современной России], 240.
 66. Michele Rivkin-Fish, "Pronatalism, Gender Politics, and the Renewal of Family Support in Russia: Toward a Feminist Anthropology of 'Maternity Capital'" [Пронатализм, гендерная политика и возобновление поддержки семьи в России: к феминистической антропологии «материнского капитала»], *Slavic Review* 69:3 (2010); Johnny Rodin, "Love, Family, Mothers, Children and Threats to the Nation – Population Policies and Demographic Discourses in Russia" [Любовь, семья, матери, дети и угрозы для нации: политика в области народонаселения и демографические дискурсы в России], (доклад на 8-м Всемирном конгрессе SSEES, Стокгольм, Швеция, 2010).
 67. См., например, «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации»; «Концепция демографической политики до 2015 года» (2001); «Концепция демографической политики до 2025 года» (2007).
 68. Гурко Татьяна. Родительство. 2003.
 69. Асонова Екатерина. Новые ценности в детско-родительских отношениях, *Pro et Contra*, январь - апрель 2010; Rebecca Kay, *Men in Contemporary Russia: The Fallen Heroes of Post-Soviet Change?* [Мужчины в современной России:

павшие герои постсоветских перемен?], (Aldershot: Ashgate, 2006); Кон. Мужская роль и гендерный порядок; Мария Майофис и Илья Кукулин. Новое родительство и его политические аспекты, Pro et Contra, январь – апрель 2010 г.

70. Безрукова Ольга. Практики ответственного отцовства.

71. «Хартия Европейского Союза по правам человека» (2000) предусматривает соблюдение гендерного равенства во всех областях и возможность совмещения работы и семьи (см. ст. 23 и 33). Более того, согласно Директиве 96/34/ЕС 1996 г. и Директиве 2010/18/EU 2010 г., к 2012 году страны-участницы обязуются предоставлять не менее четырех месяцев родительского отпуска по уходу за ребенком на каждого родителя.

О авторах:

- Джонни Родин и Пелле Абберг (Johnny Rodin & Pelle Åberg)

Джонни Родин работает старшим преподавателем в Школе социальных наук Университета Сёдертёрн (Södertörn University).

Пелле Абберг является доктором политологии и старшим преподавателем в университете Сёдертёрна и в университетском колледже Ерста Скёндаль (Ersta Sköndal University College).

Статья опубликована:

Johnny Rodin, Pelle Åberg (2014) Fatherhood Across space and time Russia in perspective. Baltic Worlds Vol VI: 3-4, pp 21-28

Интернет публикация:

Fatherhood Across space and time Russia in perspective // <http://balticworlds.com/across-space-and-time/> (Дата обращения: 16.06.2014)